

ЛАДА ОТРАДОВА

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

ВЕНЕЦ ПОНЕВОЛЕ

18+

Лада Отрадова

Княгиня Ольга. Венец поневоле

«Автор»

2026

Отрадова Л.

Княгиня Ольга. Венец поневоле / Л. Отрадова — «Автор», 2026

Юная Ольга из Лыбуты спасла князя Игоря и потеряла всё: любовь, дом, прежнюю свободу. Вещий Олег предлагает ей выбор без выбора — стать княжьей женой ради спасения семьи и будущего рода Рюрика. Игорь сам ещё учится быть князем, а Олег слишком хорошо знает цену власти, чтобы позволить чужим чувствам решать судьбу Руси. Путь к венцу опаснее, чем кажется. В словенских землях дружину ждут не только почести: за торговыми сделками скрываются обман, тайные союзы и заговор против власти. Ольге предстоит учиться выживать среди тех, кто улыбается, пока держит клинок за спиной. Она ещё не княгиня. Но уже понимает: венец поневоле может стать оружием.

© Отрадова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Интерлюдия 1	19
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лада Отрадова

Княгиня Ольга. Венец поневоле

Пролог

Лес нёсся навстречу.

Всадник гнал коня, не щадя ни его, ни себя.

Сверху хлестали ветки, по глазам сёк дождь, внизу беззубой старухой чавкала грязь.

Просвет меж елей... и рывок.

Голоса позади оборвались; остались лишь дыхание скакуна да стук крови в висках. Князь приподнялся в стремях, ослабил поводья, подтолкнул жеребца коленями и нырнул в овраг.

Тень метнулась вправо. Он пустил коня следом.

Поздно.

Жеребец вскинул морду, захрипел, и земля ушла из-под копыт.

Что-то влажно треснуло. В лицо ударила холодная жижа, забила ноздри, залила рот. Ост-
роверхий край ельника качнулся перед глазами и сомкнулся над ним чёрным пологом.

* * *

Сполохи плясали на лице Вещего Олега, то молодя его, то превращая в древнего старца.

Воевода поднял руки, словно желая согреться, и бросил в костёр горсть сухих трав. Тени за спиной дрогнули, сторбились, с опозданием повторяя каждое движение хозяина.

— Покажите мне, — выдохнул он. — Покажите, где мой родич!

Хворост глухо затрещал. Пламя приняло подношения и ответило горьким дымом. В пелене мелькнули хлябь, конская грива, оскал клыков... и тут же растаяли.

— Мало тебе? — воевода полоснул ножом по ладони.

Пошла кровь. Сначала одна капля упала в золу и зашипела. За ней другая, третья...

Кровь пролилась дождём, дождь побежал рекой. В ней тонули щиты, обломанные древки, порванные стяги, перевёрнутые ладьи. Среди них на мгновение показалось бледное лицо и тотчас ушло под волны.

— Нет, — Олег стиснул зубы. — Не он.

Наклонился ближе, будто даже у огня мог выпытать ответ.

— Кто? Говори же!

Костёр зачал.

В зареве родились две птицы. Быстрый сокол да белая лебедь столкнулись в небе и полыхнули. Искры обожгли Олегу лицо. Он отшатнулся, провёл ладонью по щеке, оставляя на коже тёмный след от сажи.

Воевода прошептал почти неслышно, не себе вовсе, а тем, кто стоял по ту сторону:

— Не за князем смерть пришла... за кем же?

Трепещущие языки лизнули остатки требы и погасли. Лишь дым, тянувшийся вверх, ещё долго рисовал очертания птиц.

Глава 1

Чаша онемела.

Раньше она пела свистом скворцов, шелестом листвы, шорохом лап. Теперь тишина стала ломкой, будто всё вокруг слушало.

Даже река скользила меж камней молча.

Ветер дул с севера. Он нёс запах цветов... и железа. Лёгкий, почти неуловимый дух человека.

Чужак прошёл по мшистой земле, оставив глубокие следы. От него тянуло потом и дымом. Он остался один. Без верного коня, без соратников — здесь, где имя и род ничего не значили.

Дебри признавали лишь кровь.

И если она стынет от страха — лес чует первым.

* * *

Тишину разодрал грей (1).

Кар! Кар!

Ворон скользнул над чащей и опустился на смятую копытами траву. Неловко прыгнул ближе, покосился на гнедого коня.

Жеребец отчаянно пытался встать. Из раздробленной ноги белела кость; густые, почти чёрные капли дёгтем застыли по краям раны.

Протяжно простонал рог. Звук прокатился меж еловых ветвей, нырнул в мозглые овраги и вернулся отголосками. Не один — с топотом. Из-за деревьев показалась дюжина всадников.

Конь, слышав своих, слабо заржал. Ворон вспорхнул и опустился на плечо седока, ехавшего впереди на белой кобыле. Вещий Олег спешился первым.

Подожёл к изувеченному скакуну, опустился на колено.

Пальцы легли на шею жеребца.

Тёплая. Ещё тёплая.

— Хроссбьорн (2), — воевода медленно покачал головой. — Прости, старый друг.

Тот перестал биться. Только ухо дёрнулось, когда меч вышел из ножен. Клинок блеснул у самого глаза.

Любимец князя не издал ни звука. Мощное тело вздрогнуло и разом осело.

Олег будто не видел подоспевших дружинников. Смотрел, как над убитым скакуном медленно таял пар. Вдалеке догорал закат, а меж стволов уже шевелилась темень.

— Мунин, — прошептал он, закрывая коню веки. — Найди князя.

Ворон хлопнул угольными крыльями и исчез за верхушками елей.

Все молчали. Лишь Бранимир — завоеводчик Олега, невысокий и широкоплечий — осмелился сказать:

— Ещё раз прочесать всё надобно. Смеркается. Ночь здесь светлая, но обманчивая.

— Опасно в одиночку бродить, — отрезал Олег. — И коням тёмный лес не чистое поле.

Воевода прищурился, вглядываясь туда, где за деревьями блестела река, и крепче сжал рукоять меча.

— Бранимир, труби снова. И зверьё разгонишь, и князю дашь знать, где мы встанем.

Следом обернулся к остальным:

— Лют. Сверр. Колояр. Ари. Пешими ступайте к берегу. Каждый куст обыщите, каждую яругу!

Четверо скрылись среди елей. Сумерки сомкнулись за ними.

Не впервой Олег вверял им княжью жизнь. Теперь вверил снова.

Над чернолесьем запел рог. Его низкий зов вернул воеводу к давней ночи у Рюриковой постели.

Олег хорошо понимал чужой страх. Им брал города, понуждал держать клятвы, гнал врагов прочь. И сам долгие годы слыл бесстрашным.

Свой страх он узнал, когда слёг Рюрик.

Олег видел ту язву, воняющую смертью. Видел, как брат по оружию день за днём угасал, пока у него не осталось сил ни ходить, ни говорить. С тех пор он боялся лишь одного — вновь не уберечь близкого.

И вот теперь Игорь один. Без коня, без дружины, среди клыков да когтей.

— Безрассудный мальчишка, — прорычал воевода. — Всегда таким был. Всегда.

Он помнил Игоря вихрастым мальцом: тот лазал по деревьям да крышам, пропадал в сырых подвалах ладожской твердыни, смеялся, когда следовало молчать, и, затаив дыхание, слушал рассказы о дальних землях.

Годы мало что изменили. Отваги князю было не занимать. Любопытства — тоже. А без меры и то и другое легко оборачивалось бедой.

Олег хотел услышать в Игоре отцовский голос, заставлявший толпу замолчать, — и почти не слышал. Искал в нём железную волю, которую старался закалить, и тоже не находил. Даже материнская прозорливость вспыхивала в князе редко: искрой в сыром труте, не пламенем.

Поначалу он твердил себе: всякому семени нужно время, чтобы прорасти и окрепнуть. Но Игорю минуло уже двадцать шесть вёсен, а зрелости всё не видать.

Неужто от деда, Кетиля Лосося, ему досталось лишь беспокойное сердце, которому вечно тесно на месте?

Из-за плеча донёсся тихий голос.

Увы, не князя.

— Отведаешь куропатки, воеводо? — рыжий конюх, не поднимая глаз, протянул ему ужин.

Олег кивнул. Пальцами ощутил ещё не остывшую корку, впился в неё зубами, но не почувствовал вкуса. Как и в те дни, когда умирал Рюрик.

* * *

Липкая от испарины ладонь легла на фибулу (3), скрепляющую плащ на плечах Игоря.

Сухой сучок стучал о ствол совсем рядом, передразнивая его сердце. Стрекот сверчков, кваканье лягушек, сильные крики козодоев слились в тревожную разноголосицу. Сама чаща ожила: ворчала, предостерегала.

Лунный свет, мертвенно-серый, как пальцы утопленника, скользил по хвое, по его бледному лицу и гасил в нём остатки тепла.

Осторожный шаг вперёд. Ещё один. Ещё.

Под сапогом предательски хрустнул хворост.

Игорь хрипло вдохнул.

Шаг.

Под рёбрами заколотило пуще прежнего.

Шаг — спину свело ознобом.

Рот пересох. Он хотел закричать, да язык будто к нёбу прирос.

Шаг...

Подступила тошнота. Игорь замер, пытаясь отдышаться, но чем отчаяннее старался выбраться, тем крепче вращал подошвами в землю.

Шаг?

Шорох опавших листьев прозвучал, как издёвка. Шёпот ветра вторил ему знакомыми голосами, повторяя слова, которых князь так боялся.

Косматые еловые лапы обратились в руки йотунов, в кожистые крылья нетопырей. Они царапали лицо, хватали за волосы, не пуская прочь. Деревья поползли вперёд, и кольцо из крон сузилось.

Не в силах пошевелиться, он обречённо застыл.

Из этой ловушки уже не выбраться.

Тени пустились в пляс. В хороводе замелькали обезображенные лица тех, с кем князь некогда делил хмельные пиры и поле брани. Игорь ответил их упрекам лишь неровной дробью зубов.

Тело стало чужим. Последняя ясная мысль растаяла в холодном поту.

Страх вгрызся в грудь. Мир дрогнул раз, другой. Мимо поплыли кривые стволы. Князь тонул в черноте. Кто ждёт его там, на дне?

«Ежели ты твёрдо стоишь на ногах, напротив столь же твёрдо стоит и твоя тень. Если боишься тени своей...»

Давным-давно он уже слышал эти слова.

* * *

Княжеский двор в Ладогe, двадцать лет назад.

Наследник метался по застланной мехами лежанке, невнятно бормотал, обливался потом, будто тело его пыталось выжечь из себя дурной сон. Ни напевы нянек, ни тлеющие травы, оставленные у изголовья знахарем, не дарили княжичу покоя.

Вещий Олег сел подле и разбудил Игоря.

— Княже, — молвил он, тогда ещё не столь седой и суровый, — ты видел дурной сон. От таких не укроешься ни за стеной, ни под щитом. Есть сны, что сами уходят, а иные гнать приходится. Я научу, коли послушаешь.

Игорь распахнул глаза. Завидев родича, он как из проруби вынырнул. Хрипел, дрожал, но дышал.

— Сперва, — продолжил Олег, касаясь племянника тёплой ладонью, — кровь не будоражь. Дыши ровно. Вспомни день: где был, что видел, чему научился. Ум, мой княже, что ладья: пустишь без весла — разобьёт о камни.

Княжич кивнул, ловя каждый совет. Под спокойным взглядом дяди страх понемногу сходил с его лица.

— Что гнетёт — не таи под сердцем. Скажи матери, мне иль Веремуду. Слово, вовремя сказанное, легче камня, что молча носишь за пазухой.

— И напоследок, — тихо добавил Вещий Олег, — коли тьма подступит, помни: то морок, не истина. Морок можно одолеть. Кто собой не владеет, тому и людей не удержать.

— А если спасения нет? — пролепетал Игорь.

— Коли загнали в угол — стой крепко. И тень твоя станет рядом. Сожми клинок и бейся. А ежели тени своей убоишься...

* * *

Леса близ Лыбуть, той же ночью.

— ...надо упасть, и тогда тень исчезнет, — шепнул Игорь, повторяя слова наставника как заклятие.

Нужно только сделать...

Шаг!

Шевельнулся и рухнул. Ноги были каменные. Рот раскрылся беззвучно, как у рыбы, выброшенной на берег. Вдох давался насилу. Выдох резал изнутри.

Сосредоточился на дыхании. Слушал удары сердца.

Один.

Шёпот леса утих.

Второй.

Тьма отхлынула.

Третий.

Тени сгнули.

Лишь дрожь осталась.

Сжал непослушные пальцы так, что ногти впились в огрубевшую кожу. Выступила кровь: горячая, настоящая. Не та, что чудилась, — его собственная. Не та, что вовек не смыть.

Вместо страха накрыло бессилие.

Упал в траву, свернулся клубком и наконец провалился туда, где нет ни вины, ни боли, лишь долгожданный покой.

Примечания:

1) Грай — громкий беспорядочный птичий крик, как правило, встревоженное или агрессивное карканье ворон;

2) Хроссбьорн — "конь-медведь";

3) Фибула — металлическая застёжка. В отличие от большинства современных брошей, фибулы одновременно служат украшением и выполняют практическую функцию: булавка с «замком» для острого конца позволяет закрепить одежду.

Глава 2

Лыбута (1), близ Плескова. Следующим утром.

Пора затяжных гроз миновала.

Сегодня лазурное, без единого облака, небо сияло чистотой. Прохлада недавнего дождя, подхваченная ветром из низин, смешалась с еловым духом и пронеслась над Лыбутой.

Ольга вдохнула полной грудью и коснулась ожерелья из сердолика. Тонкие пальцы едва заметно дрогнули.

В деревню возвращался Ярослав. Сумел ли соседский сын с выгодой сбыть пушнину купцам, что втридорога продадут шкурки кому-то побогаче? А дальше — кто знает?

Вдруг меха окажутся на шапке жены болгарского владыки? Воротником лягут на умасленные благовониями плечи греческой царицы? Или согреют зимними вечерами супругу князя киевского?

Ольга улыбнулась шире: от таких мыслей сама Лыбута тесной казалась.

Она схватила расшитый материн убрус (2), накинув его на голову да плечи. Представила себя боярыней, закружилась на месте и, едва не потеряв равновесие, звонко рассмеялась.

Перевела дыхание и заглянула в чашу с водой. В зеркальной глади отражалась девица со светлой, пшеничной косой. Достаточно взрослая, чтобы задуматься о замужестве.

Боярыня? Вот ещё!

Денно и ночью вышивать полотна для пузатого мужа-богатея?! Никогда! Не променяет она бескрайнее небо на низкие потолки да невзрачный огонёк лучины.

Ольга вернула чашу на место и выскочила из избы во двор. Лишь лужи плеснули под поршнями (3), выдавая беглянку.

У ворот её встретило щебетание пташек в саду... и отец.

Эгиль, оставаясь в седле, пристально смотрел на дочь. Сивая сухая кобыла не смела пошевелиться. Замерла и Ольга — в любимой рубаше да бусах. Утренняя вылазка обернулась поражением, толком не начавшись.

Она уже приготовилась оправдываться, но суровость на лице тятеньки вмиг растаяла. Морщинистые уголки губ приподнялись, глаза лукаво заблестели.

— Если б на сенокос так торопилась — цены не было бы! Главное, к вечеру возвратись. Княжьих мужей ждём. Коли янтарь им приглянётся, порадуют своих зазноб подарками, а старика твоего — второй коровой.

— И вовсе не старик ты! — фыркнула, скорчив рожицу, Ольга. — Солнце ещё за лесом не скроется — повернись домой, обещаю. И...

— И?

— Парёнки (4) будут? — добавила смущённо, вполголоса. Сладостей ей уже не пристало ждать, но вот побаловать ими гостей иль братишку — совсем другое дело.

— Будут, будут, — отец усмехнулся, почесав загрубевшими пальцами подбородок. — Только гляди, не опоздай. Много ртов на них разинется.

Остального Ольга уже не слышала: юркнула к соседскому двору и остановилась у плетня. На мгновение замечталась, но, набравшись духу, тихо постучала по скрученным прутьям. Ещё раз. И ещё.

Дома ли Ярослав? Или матушка наградила его поручениями: то дрова раздобыть, то карасей на ужин? Овдовевшая Лада держала в строгости не только хозяйство, но и сына, ведь одной торговлей в здешних местах прокормиться нынче трудно. Приходилось перебиваться рыбалкой, охотой, ягодами да грибами. Лето на Плесковщине короткое, прохладное, но щедрое к тем, кто умеет брать у леса.

— Ужели потеряла кого, красавица? — донёсся из-за спины насмешливый голос, и девица подскочила, точно испуганный заяц.

— Да я... — вспыхнула она, сверкнув взглядом на юношу, и тут же с размаху ударила его по плечу: расплата за шутку последовала незамедлительно. — Я тебе!

В ответ Ярослав лишь крепко обнял её, прижимая к груди. Ольга, дрогнув, провела ладонью по русым кудрям возлюбленного: за два месяца разлуки те успели отрасти.

На такой срок они ещё не расставались.

После смерти Славкиного отца торговля и заботы о пушнине легли на плечи семнадцатилетнего соседа. Старшие братья давно покинули дом, а матушка, как бы ни отнекивалась, слабела с каждой луной.

Ярослав смеялся по-прежнему, только взгляд у него стал взрослый, купеческий: всё мерил, всё считал. А коли возмужал — пора и о своём очаге задуматься.

Славко положил ладони на Ольгино лицо и смутился собственной дерзости. До встречи он тысячу раз обдумывал, что скажет, а теперь будто онемел.

Ответят ли её родители благословением? Семьи их давно дружили и соседствовали, но что он мог ей дать?

Старую избу да жизнь от одной нужды до другой.

Заветные слова так и остались на кончике языка.

— Я скучала, — Ольга первой нарушила молчание и, привстав на цыпочки, робко коснулась губами щеки Ярослава.

Славкины щёки тронул жар. Долгие восемь седмиц ожидания разом поднялись в груди: все несказанные слова, ночные думы, глупые надежды.

Они ещё долго так стояли. Ольга, прижавшись к нему, слушала, как часто бьётся его сердце, а Славко молча улыбался. Наконец она выскользнула из объятий, украдкой поглядывая на Ярослава. Тот кивнул в сторону опушки.

— Есть там кое-что для тебя. Ежели не боишься — покажу. А коли страшно, возвращайся да пособи матушке. Слышал, у вас будут гости.

— Тятенька принимает княжью дружину. Отложил для них янтарь из последнего плаванья, — Ольга вздохнула: отца она видела несколько месяцев в году. Эгиль не сидел без дела и брался за любую работу, что подворачивалась под руку. — Надежды у него велики. Если оправдаются — славно будет.

— Дружинники, говоришь? — юноша помрачнел. — У таких серебро к поясам липнет. На словенских торжищах кошель одного звенит громче, чем у всей Лыбуты за год. Глядишь, и ты кому-нибудь приглянешься.

— Вот ещё! — сдвинула брови Ольга и, досадливо топнув, помчалась к лесу. — Догонишь — тогда и покажешь, что хотел!

Не растерявшись, Ярослав кинулся следом. Лишь сейчас, на бегу, он осознал: за время разлуки соседская дочь стала ещё краше. Ещё роднее.

Она звонко смеялась, запрокинув голову; на шее костром вспыхивали рыжие камни. Вдох — и он уже не понимал, что пьянит сильнее: сладкая таволга или сама Ольга.

Они остановились меж спутанных ветвей. Сплелись пальцами, стараясь перевести дух, застенчиво заулыбались — слишком торопились, слишком боялись упустить каждое мгновение наедине.

— Богатств у меня нет, Ольга. Сама знаешь. Ни серебра, ни доброй избы... пока. Но я добуду.

Молодец крепче сжал её ладонь и неловко опустил взор. Под ногами раскинулся сплошной зелёный ковёр, вышитый белоснежными, похожими на звёздочки с семью лучами, цветами.

— Зато это место я первым нашёл. Для тебя. Всё тут — тебе. Не смейся только... Пойдёшь ли ты за...

Восхищённая дивным видом, Ольга нагнулась сорвать пару стеблей и отшатнулась.

На белых лепестках алела капля крови. В пяди от неё, на траве, лежала мужская рука — вся в ссадинах и грязи.

Незнакомец утоп в цветах. Ветер едва шевелил лепестки, раненый не шевелился вовсе. Статный, с взъерошенной тёмной бородой, он казался обескровленным, вычерпанным до последней капли. Что бы ни гнало его через лес, теперь оно осталось позади. Хотелось верить: сон был милостью, не приговором.

Ольга присела рядом и вгляделась.

Плащ свисал изодранными, пропахшими страхом лохмотьями, но на плече ещё держалась золотая застёжка — знак высокого положения. Рубахе досталось больше: каждая пядь лыбутского леса оставила на ней отпечаток.

Чёрно-муравый мазок дёрна — верно, с заболоченного берега Великой. Жёлтая хвоя на шее — весточка от ельника в паре вёрст отсюда. Кривая царапина цвета брусники то ли колючими зарослями оставлена, то ли лютым зверьём.

Широкие штаны тоже поистрепались. Стан обхватывал кожаный пояс с серебряными пластинами; к нему подвешены пустые ножны. Чуть поодаль, в сырой осоке, лежали сумка да заморский клинок, значит, и впрямь их хозяин — человек знатный.

Лицо его оставалось безмятежным. Ольга готова была поклясться, что на нём промелькнула едва заметная, блаженная улыбка.

— Показалось... — обнадёжила себя она.

— Показалось иль ты засмотрелась на него? — с ехидцей протянул Ярослав, возвращая её с небес на землю.

— Я? Я... — она на миг растерялась, не желая признавать его слова и уж тем более давать повод для ревности. Пытливый взгляд скользнул к животу воина. — Залюбовалась поясом. Искусная, кропотливая работа. Даже у богатых купцов из Ладоги таких не видела. Слишком ладно вправлены самоцветы, слишком много внимания к мелочам.

— То наборный пояс, — с придыханием сказал соседский сын. — Такие кто попало не носит. Не землешапец, не рыбак. Ближе к князю ходит, раз такое богатство таскает. Муж нарочитый, а то и боярич. Про таких говорят: золото у них — Велесово, оружие — Перуново, кони — Позвиздовы.

Славко снял онучу и подложил чужаку под затылок, пускай потом лапоть разотрёт голую ногу до крови. В траве маняще блеснул меч, и в душе юноши затеплилась дурная мысль. Ярослав заставил себя отвернуться да всё равно опять посмотрел.

Пока он гадал, какого чина незнакомец, Ольгу заботило иное: друг тот или враг — сидеть сложа руки не пристало. А ежели и вправду дружинник, тятенькины гости непременно хватятся своего!

Затрещало полотно. Сосед разорвал на себе рукав, оголив загорелое предплечье, протянул ей полоску ткани да баклагу с водой.

Колени предательски задрожали. Дочь Эгиля смочила тряпицу, бережно коснулась лба воина, стирая грязь и засохшую кровь. В памяти всплыли уроки матушки — как помочь раненому. Ждана не зря вбивала ей в голову, как обмыть рану, как стянуть ткань, как не дать испугу взять верх.

Ярослав осторожно отвёл руку боярича в сторону. Сквозь прореху на боку зияла дыра — багровая, с неровными краями, куда въелись льняные нити. Она походила на раскрытый волчий зев.

Ольга сглотнула: кровь её пугала. Пальцы тряслись, в глазах двоилось, но рядом был возлюбленный, и оторопь уступила место решимости. Девушка перевязала рану так крепко, как только хватило сил.

Когда всё было сделано, она устало прижалась лбом к Славкиным закоркам (5). Справилась. Помогла. Юноша ответил гордой улыбкой.

Лежащий на траве дышал редко, но глубоко. Бледное лицо мало-помалу розовело, будто жизнь нехотя возвращалась к нему. Отвели ли они от незнакомца погибель?

Кар! Кар! Кар!

Тишину опушки прервал резкий крик. Ольга вздрогнула: над кронами мелькнула смоляная тень ворона. Неужто смерть над ними кружит? Иль воображение разыгралось?

Славко притянул её к себе, и Ольга на миг перестала трепетать.

— До Лыбуты пешими — три версты, — усмехнулся он. — А гость наш всё спит. Видать, снятся ему пиры с медовыми реками да девицами красными, вот и не торопится очнуться.

— Ярослав!

— А что? Благое, может, дело. Пушай о них грезит, а не на мою любушку косится...

Молодец сорвал стебель седмичника, не сводя глаз с незнакомца.

— До Великой путь короче. Челн твоего таты и ныне на переправе?

Ольга кивнула. Лодка ждала напротив самого широкого места реки, где отец с вечера поставил сети. Не мог же хлебосольный Эгиль оставить гостей без пары-тройки сочных линей!

Ярослав слушал вполуха. Застёжка на плаще слишком броская: просто так не сорвёшь. Утащить весь наборный пояс тайком от спутницы — того труднее.

Он прищурился: то ли солнце сегодня яркое, то ли в траве что-то серебрится. А потом понял...

В синеве Славкиных глаз мелькнула льдинка, да тотчас растаяла.

Шуйца (6) нырнула вниз и тут же убрала с девичьего виска непослушную прядь; правая закрепила за ухом холодно-белый цветок. Медовый дух седмичника отозвался приятной истомой в Ольгиной груди.

— Доставим его к переправе. Там на лодке чуть пройти, и окажемся дома; до твоего двора и вовсе рукой подать, — вкрадчиво прошептал Ярослав.

Ольга, разомлев в объятиях, робко поцеловала соседа в щёку. Одной рукой он прижал любушку к себе, вдыхая запах её волос, смешанный с цветочным благоуханием.

В другой сжал перстень с резным соколом: тот, сложив крылья, летел вниз, за добычей. Добыча теперь есть и у Ярослава.

Примечания:

1) **Лыбута**— совр. деревня Выбуты в Псковской области;

2) **Убрус**— старинный традиционный головной убор замужних женщин, относящийся к типу полотенчатых головных уборов. Как правило белого цвета, из тонкого полотна домашнего тканья, иногда украшенного вышивкой;

3) **Пёршни (постóлы)** — простейшая старинная обувь в виде лаптя, сделанная из плоского куска дублёной, сыромятной или сырой кожи, стянутой на стопе ремешком, продетым через множество отверстий по краю;

4) **Парёнки**— старинное русское блюдо. Овощи, обычно корнеплоды, томлёные длительное время без воды в чугунах в печи. Обладают сладким вкусом.

5) **Закорки**— заплечье;

6) **Шуйца**— левая рука.

Глава 3

Окрестности Лыбуты.

Частокол молодого подлеска остался позади. Чем ближе они подходили к Великой, тем явственнее чувствовалось её свежее, чуть землистое дыхание.

Знатного мужа, видно, кормили отменно: даже вдвоём они едва с ним справлялись. Ольга, напряжённая от макушки до пят, держала того за ноги; Ярослав ухватил его под лопатки и осторожно пятился. Кряхтя и обливаясь потом, сосед подмигнул, по-ребячески сверкнул улыбкой с былинкой меж зубами — и девице полегчало.

Почва под ногами незаметно стала зыбкой. Цветы и деревья сменили спутанные космы осоки и ложбинки, в которых хлюпала жижа. До реки оставалось совсем немного. Главное — не оступиться, иначе и сами поранятся, и незнакомца изувечат.

— Сюда его, — насупившись, велел Ярослав. Мгновение спустя раненый оказался на мозглой траве, а мошकारа, почуяв кровь, слетелась к его лицу.

Славко двинулся вперёд. Зашёл по пояс в стремительные волны Великой, ухватился за мокрую бечеву, потянул долблёнку к берегу и выругался: каменный якорь держал челн посреди стрежня, не подпуская к мели. Отвяжешь раньше времени — не успеешь и ногу занести, как лодку унесёт прочь.

Молодец вернулся ни с чем, тяжело отдуваясь.

— Если не хочешь остаться без тятиной лодки и без живого боярича, надо дотащить его туда самим.

Возразить было нечего. Да и Ярослав в таких делах больше смыслил. Ольга лишь кивнула и раздражённо отогнала от незнакомца гнус.

Великая сердито пенилась у берега, течение норовило подхватить и повалить. Ледяная вода едва доходила до колен, а илистая мель уже скользила под подошвами. Подол Ольгиной рубахи намок, потяжелел и путался в ногах. Девица упрямо шла вперёд короткими шагами, то и дело косясь на перевязь: не проступит ли снова кровь, не ослабнет ли узел.

Добравшись, они подняли незнакомца и уложили на середину лодки. Под весом боярича та беспокойно закачалась, но двое, упершись подошвами в дно реки, усмирили её, не дав опрокинуться.

Несмотря на брызги и писк комаров, раненый не приходил в себя.

— Троиц тут тесно будет, — Ярослав мотнул кудрями и, удерживая лодку за край, отцепил верёвку от якорного камня. Почти весь челн занял их невольный спутник. — Ты меньше — влезешь. А я с нашим уловом едва усядусь; лучше вернусь в лес. Негоже мечу да суме пропадать при живом хозяине. Да и спрос будет с нас, коли добро его в лесу оставим. Справишься?

— Справлюсь, — Ольга нахмурилась, но спорить не стала: слова были разумные. — У тятенькиного двора встретимся.

Она налегла на весло, оттолкнулась, и лодка медленно поплыла вперёд. У кромки чащи мелькнула Славкина спина — вся в разводах крови да грязи. Раненый лежал неподвижно; Ольга пыталась уловить хоть малейший признак улучшения. Медлить нельзя: любой вдох может стать для него последним.

Ветер путал волосы, качал долблёнку, глушил плеск весла. Девица шепнула:

— Велесе, хозяин троп лесных и вод тёмных... домой проводи. Не дай омуту взять, не дай зверю выйти, не дай смерти третьей с нами сесть.

С каждым гребком дочь Эгиля всё яростней спорила с течением. Вдоль берегов замелькали деревья, да тревога никак не отставала.

Веки боярича дрогнули. До низких крыш Лыбуты оставалось всего ничего.

И вдруг из дебрей снова прогремело:

— Кар! Кар!

* * *

Тронутые сединой брови сошлись у переносицы. Вои один за другим склонились, не смея поднять виноватые глаза.

— И это сборище смеет называться дружиной князя?! Опорой и защитой? — прорычал Вещий Олег. — Будь в вас хоть капля доблести да две крупницы разума, Игорь стоял бы здесь, среди нас!

— Воеводо... — один из младших дружинников шагнул вперёд, оправдываясь. — Каждую кочку перевернули — нигде его нет.

Олег медленно повернул к нему голову. Все испуганно переглянулись: только глупец смел пререкаться с воеводой. Старшие знали это давно; молодые, недавно принятые в дружину, поймут сейчас.

— Тщательно, говоришь, Сверр? Ты и собственного носа не сыщешь, имей хоть Колзвезду (1) над макушкой! — голос Вещего резанул по строю. Даже Бранимир вздрогнул: от презрительных слов не укрыться ни за щитом, ни за кольчугой. — Думаешь, я поверю, будто наш князь — молодой, полный сил, — взял да растаял в воздухе?

Он на миг умолк. Никто не шелохнулся.

— Я вас над прочими возвысил не для того, чтобы вы князя в первом же лесу потеряли! — сквозь зубы прошипел Олег. — Знаете, что случится, коли Игоря не станет? Первым делом роптать начнут те, кто дань через нехотение платит. Потом каждый пёс хозяином себя объявит. А вас? Вас сперва чести лишат, потом доли, а с кого и головы снимут. Перед богами вы клялись Игорю служить — отвагой, силой, умом. Где всё это?!

Дружинники как языками подавились: стоит княжьей власти ослабнуть, и всё, что воевода сшивал годами, разорвут по кускам.

— Всё прочесали... Игоря не сыскали, — выдавил Сверр и вынул из-за пояса клочок княжьего плаща. — Нашли под утро, в густом ельнике. Больше ничего.

Олег коснулся знакомой ткани. Ярость ударила вслепую — по тому, кто принёс недобрую весть.

— Бестолочь!

Олег шагнул к нему так быстро, что дружинник не успел отпрянуть. Пальцы воеводы стиснули ворот его рубахи и рывком притянули ближе. Сверр судорожно втянул воздух и не успел выдохнуть: на него упала широкая тень завоеводчика.

— Не прав ты, Кетильссон. Он хоть что-то отыскал — прочие и того не смогли, — вступился за Сверра рудой Бранимир. Перехватил воеводу со спины и шаг за шагом увёл в сторону. — Уймись, слышишь?

Вещий Олег качнулся, будто твердь под ним дрогнула. Бранимир тотчас подставил плечо, чтобы не дать прочим почуять трещину. Лицо воеводы посерело: неужто конец Игорю? Перед глазами всё ещё стояла волчья морда в крови племянника.

Солнце скрылось за чёрным крылом.

Мунин!

Ворон сделал круг над хозяином, прежде чем сел тому на плечо. Птица раскрыла угольный клюв и прохрипела:

— Ре-ка... карр!

По строю прокатился шёпот, и напряжение чуть ослабло. Всё ещё бледный Сверр опёрся на Ари и Люта; Колояр цыкнул, велел им молчать.

— Общайте каждый клочок земли. Ни пяди не пропустите, покуда не приведёте князя, — голос Олега, обычно уверенный, от нахлынувших чувств осёкся. — По коням! Живо!

* * *

Славко остановился: вот она, примятая луговина. Под измазанной тиной да кровью рубахой грудь ходила, как мехи в кузнице. Первым-наперво надобно отдышаться, а затем думать о прочем.

Принялся ощупывать каждый бугорок, каждую былинку вокруг места, где ещё недавно лежал раненый. Влажная, жирная почва на пальцах — мимо. Засохшая ветка — промах. Истлевшее птичье перо — снова не то!

Рука юркнула меж белых цветов и наткнулась на стылую сталь. По коже побежали мурашки, пальцы похолодели. Озноб перерос в алчную дрожь.

Он поднял заморский меч. Тёмно-серый клинок хранил причудливые письмена; рукоять обвивала золотая проволока. За такой можно выручить столько, сколько он за год не соберёт!

Забывшись от приятной тяжести, Ярослав не заметил ворона в вышине. Тот закружил над юношей и, отыскав пропажу, гулко каркнул, будто призывая кого-то из чащи.

Привычные звуки — щебет, шелесты, шорохи — разом потонули в грохоте собственного сердца, в глухом топоте копыт. Слишком поздно.

Меж стволов мелькнули очертания всадников; сбруи солнцем резнули по глазам.

Бежать — глупо. Затаиться посреди редколесья тоже не получится.

Ладонь запоздало стиснула рукоять клинка и одеревенела. Даже полынь во рту бы слаще показалась.

Не прошло и мига, как его обступила дюжина витязей. Лошади, возбуждённо трясая гривами, заметались вокруг мальчишки в окровавленной рубахе, с чужим мечом в руке, с чужой сумой рядом.

— То Игорева сталь, — нахмурился Бранимир и взглянул на старшего.

Вещий Олег сидел в седле неподвижно, и оттого казался страшнее остальных.

В его глазах уже собиралась гроза.

— Где князь? — утробный голос Олега хлестнул по ушам. — Говори!

— Князь? Не ведаю... — Ярослав затрепетал; вспотевшие пальцы ослабли, меч выскользнул в траву. — Знать не знаю никакого князя! Мимо шёл к реке, снасти с вечера ставил; заприметил на берегу оружие да суму... Подобрал. Не пропадать же добру!

— Мокрым бобром к реке путь держал? — фыркнул десятник Колояр. — Сам без единой царапины, а рубаха в княжьей крови. И вещи его при тебе. За слепцов нас держишь?

— Нет, боярин, я никог...

— Пред тобой дружина князя киевского и дядя его, Вещий Олег, — перебил Славку Бранимир. — Прояви хоть немного почтения, глупец!

Лыбучанин застыл, как вкопанный. Князь. Не боярич, не дружинник — сам князь. Тот, кого они с Ольгой волокли к реке, кого он оставил в долблёнке, чьё добро теперь лежало у его ног.

Ольга. Надо было назвать её. Сказать: жив ваш князь, везут его в Лыбуту. Да язык не повернулся.

Стоит княжым людям решить, что Славко ободрал раненого, — и кто поверит, что Ольга ни при чём?

— Только время тратим попусту. Беги, коли жизнь дорога, — воевода видел в нём не случайного встречного, не вора — а последнюю ниточку к Игорю, что никак не хотела разматываться.

Ярослав непонимающе посмотрел на княжьего родича, но в том лице не было ни жалости, ни ответа.

— Беги!

Славко, не разбирая мыслей, стремглав помчался прочь под насмешки воев. Лапти замелькали так быстро, как давно уже не выдывали в дружине, да только не тягаться человеку с

ретивым конём. Олег, холодно щурясь, пристально смотрел ему вслед: пусть ноги сами выдадут то, чего уста не сказали.

— Лют, — с губ его сорвался приговор. — Развяжи ему язык.

— Слушаюсь, — ухмыльнулся смуглый дружинник.

Воин из чёрных болгар (2) подогнал жеребца — тот стрелой полетел следом. Копыта врезались в траву, оставив глубокие вмятины прямо перед Славкой.

Он стиснул зубы — лапоть без онучи саднил ногу, — и совсем растерялся. Заметался, выискивая всадника среди деревьев. Где тот? Куда подевался?!

Лют молча вынырнул за спиной у Ярослава, будто из-под земли. В руке его темнел осил (3).

Свист рассечённого воздуха, и петля легла Славке поперёк груди, подхватила под руки, с силой дёрнула назад. Он рухнул, выбив из себя воздух, но Лют тут же ослабил хват — ровно настолько, чтобы пленник мог хрипеть да отвечать.

— Князь где?!

Ярослав всё молчал. Ольгино имя встало костью в горле.

Лют придержал коня и спешился мягким, как у пардуса, прыжком. Одной рукой удерживая верёвку, другой сжимая кулак, присел перед ошарашенным мальчишкой и впился в него чернотой глаз.

— Слаб ты, — прошептал Лют. — И лгать не умеешь.

Потом схватил Ярослава за горло и наотмашь ударил по щеке. В ушах зазвенело, по побелевшему лицу расплылась краснота.

— Видать, плохо отец тебя учил.

Слова о родителе душили сильнее осила. Внутри будто что-то оборвалось.

Ярослав, шатаясь, поднялся. До ломоты в костяшках сжал кулаки и выставил их перед болгаринном. Дружинник лишь усмехнулся.

Кашлянув, Славко со свистом втянул воздух и плюнул Люту в лоб. Тот отшатнулся и поморщился, стирая с бровей мутно-красные дорожки.

Олег видел, как Лют ждал разрешения. Видел Игорев клинок, его вещи, его кровь — но не его самого.

— Где князь?!

— Говорю же, я...

— За Игорев меч в руках, за ложь на устах, за плевок в дружину... — оборвал его воевода. — Выбей из него правду.

Лют склонил голову.

— Живым оставь, — кивнул Олег. — Пока не скажет, где князь.

Ярослав дёрнулся, но Лют снова взмахнул осилом — петля легла вокруг стана. Удар согнул его пополам, вышиб дух. Мир вокруг помутнел, исчезли зелень и лазурь — всё разъелось пепельной хмарью. В ушах колотилось сердце да хрипло ржал конь. Юноша вцепился в верёвку, сдирая ногти в кровь; узел всё туже впивался под рёбра. Жеребец рывками потащил его к воеводе. Бока обожгло болью, на зубах закрипела пыль, пальцы хватались за траву, но срывались, скользкие от росы и липкого пота.

— Довольно! — приказал Олег, наступив на верёвку в пяди от Славкиного уха. — А сейчас, ежели не хочешь продолжения, расскажешь нам всё, как было. Где князь?!

— Ольга... — выдавил лыбучанин и сам ужаснулся сказанному. — Князь сейчас с Ольгой.

Примечания:

1) **Кол-звезда** — Полярная звезда. На Руси Большую и Малую Медведицу воспринимали как единое целое и называли "Конь на приколе" (т.е. на привязи за колышек);

2) Чёрные булгары— кочевой народ, часть тюркоязычных болгарских племён, выделившаяся после распада во второй половине VII века Великой Болгарии. Обитали в районе Кубани, по другим оценкам, в междуречье Днепра и Дона;

3) Осил— верёвка с подвижной петлёй, аркан. Использовалась для ловли зверья, обездвиживания и удушения преступников.

Интерлюдия 1

Веремуд склонился над ложем княжича, укрыв того овчиной. В бледном свете лучины кожа на руках старика походила на яичную скорлупу — хрупкую, палевую, в буро-ржавых пятнах.

Игорь заворочался и, не желая спать, надул губы:

— Надоело о дядиных подвигах слушать. О другом расскажи!

Пестун улыбнулся: знал преданье, что придётся по душе упрямому наследнику.

— Тише, княже, — распевно молвил он и положил ладонь тому на грудь. — Закрой очи — и поведаю о деве-лебеди да твоём славном прашуре.

Игорь плотнее закутался и сомкнул веки, не в силах дожидаться сказа.

— Давным-давно, в далёком краю ругов жил отважный князь по имени Валь. На соколиной охоте отстал он от дружины и увидел трёх белых лебедей. Закружили те над лесным затоном, сбросили пуховые одеяния и обратились в красавиц. То были девы битвы, валькирии: в птичьей шкуре прилетали они купаться в озёрах, сокрытых от взора смертных.

Воспылал страстью Валь и стал подстерегать их, дабы взять одну из девиц. Дождавшись, когда заиграются они в студёных водах, упрятал князь один лебяжий наряд. Две облачились, распустили рукава-крылья и взлетели; третья же осталась горевать на сырой земле.

Бросился Валь к ней — та в сторону. Схватил её за белы ноженьки, в грязь повалил. С того дня у лебедей лапы черны, словно сажа.

Закричала красавица, взмолилась богам о спасении. Блеснул нож в руке разгорячённого Валя, и умолк её голос навек. Оттого у лебедей ярко-алый клюв, а взамен колдовского пения — хрип да шипение.

Привёл Валь небесную деву в свой дом, зажил с нею, как с женою. Та родила ему двенадцать сынов по числу месяцев и семь дочерей по числу звёзд в Стожарах (1).

И вот однажды упросила она слезами да знаками позволения примерить прежний наряд. Дал Валь согласие: любопытно стало ему взглянуть на супругу в лебяжьем платье. Накинула одеяние, обернулась птицей и вылетела через дымник под крышей.

В тот час младший сын гнал со двора коров.

— Куда ты, матушка? — вскрикнул он и ухватился за хвост, да удержать не смог. Пух снегом лёг на тёмную головушку и оставил седую прядь.

Застенала лебёдушка над избой, слетелись на зов её сёстры. Крыльями били по Валью и его отпрыскам, клювами щипали, но к сроднице своей ни на пядь не пускали.

Молвила старшая лебедь:

— Вы, жители земные, оставайтесь на земле, сестра же наша небесная возвратится в облачные чертоги. Как только день начнёт прибывать после ночи Йоля (2) — творите обряд в её честь: прилетит лебёдушка с севера и обратится девицей красной, проживёт с семьёй. А как минёт Мидсумар (3) и пойдёт день на убыль — призовут её сёстры домой.

В знак того договора старшая лебедь вручила Валью драгоценный перстень с ясным соколом. Кто перстень носит, тому сокол очи распахнёт, сердце отвагой укрепит.

С тех пор половину года жила дева-лебедь с сёстрами, а половину — с Валем и чадами. В роду его повелось сверять полёт лебедей с удачей будущих походов: куда клюв укажет, там и добыча. Поныне в тех краях жив запрет бить этих птиц.

Игорь долго молчал, хмуря тонкие брови.

— А что приключилось с Валем и его детьми? — наконец спросил он шёпотом.

— Валь сделал сокола с перстня родовым оберегом, а белую лебедь — вестницей Одина, ведущей к победам, — убаюкивающим голосом ответил старик. — И стал отец твой, Рюрик,

далёким потомком младшего сына Валя: родился с той же меткой — седую прядью. Так что в тебе течёт кровь небесной дочери и отважного князя.

Игорь закрыл глаза. Сквозь сон ему уже мерещилась дева — среброокая, как луна над Ладогой.

Примечания:

- 1) **Стожары** — звёздное скопление Плеяды;
- 2) **Йоль** — зимнее солнцестояние;
- 3) **Мидсумар** — летнее солнцестояние.

Глава 4

Старая лодка спорила с течением, разрезая гремячие воды. За кормой тянулся вздутый хвост пены.

Студёные капли то и дело падали Ольге на лицо. Облегчение давало лишь это простое занятие. Она подчинилась однообразию — гребок за гребком, раз за разом.

Вместо радости встречи с другом сердечным — смятение и тревога. Рядом раненый, а полдень только миновал: кто ведает, что грянет до заката?

Ольга прикрыла очи. То ли задремала, то ли на миг впала в забытё.

Весло привычно ушло под воду. Вынырнуло вновь — надломленное игрой света, будто искалеченное.

На миг ей почудилось: дурное знамение. Взор метнулся к бояричу напротив. Досель он не подавал признаков жизни, лишь ровно, медленно дышал. Теперь, однако, шевельнулся, перекатился на бок, лицом к краю долблёнки.

Он с трудом разлепил веки — их как смолой прихватило. Мир плыл и двоился; отблески с воды слепили, перед взором мельтешили красные мушки.

В затылке стучала тупая боль, как топот копыт, отголосок ночных злоключений. Мысли спутались, но в тумане забвения Игорь нащупал тонкую нить и несмело потянул за неё.

Волчий оскал. Погоня. Свист ветра. Грязь во рту. Чаша — злая, без края.

Сердце сорвалось в бег, разум залило страхом. На миг князь снова стал раненым зверем, которого вот-вот добьют. Брызги хлестнули по щеке и вернули обратно.

Не в ночь. Не в лес.

В безопасность... хотелось бы верить.

Но куда?

Онемевшими пальцами Игорь прикрыл глаза от света, проморгался, попытался подняться. Долблёнка качнулась — он, неловко подавшись вперёд, врезаясь в бочину и взвыл.

Не земля под ним, а холодный, сырой челн. Сквозь звон в ушах пробрался тихий голос.

— Тише... Не бойся, — молвила девица, перестав грести. — Мы почти у Лыбуты.

— Благодарствую, — прошептал он хрипло.

Игорь встрепенулся: незнакомка провела влажным рукавом по его лбу, стирая испарину. Следом поднесла ко рту горлышко баклагы. Он припал к горлышку, почти захлебнулся и опустошил её до дна.

Зрение прояснялось. Теперь он мог лучше рассмотреть свою спасительницу.

Та была совсем молода.

Пшеничные волосы стянуты в тугую косу, обвиты алой лентой, у виска белел крохотный цветок. Поджатые губы, нос с горбинкой — лицо не писаной красавицы, зато живое, упрямое.

Но пуще всего манили серые глаза. Проницательные. Большие.

Стыд со страхом ещё держали князя за горло. Оттого он отчаянно хотел сбросить их, доказать, что жив. Внутри проснулась иная жажда — тёмная, голодная.

На шее девицы костром пылали рыжие бусы. Мелкие капли блестели на ключицах; Игорь задержал взгляд слишком надолго.

Ольга спешно отвернулась к реке. Колени забила мелкая дрожь, пальцы затеребили край рукава.

Незнакомец улыбнулся так, что слова стали ненужны. Она отпрянула и щиколоткой наткнулась на шершавую рукоять весла.

* * *

— Ольга... — прохрипел Ярослав, ещё чувствуя жжение там, где в тело впивалась петля.
— С Ольгой князь.

Вои переглянулись — суровые, растерянные.

— С самого начала говори, — повелел Вещий Олег. — Кто ты?

— Я... Ярослав, — заикаясь, пролепетал тот. — Из Лыбуты. Отец пушниной торговал.

— А мечом как завладел? — Олег кивнул Ари.

Лысый, белобородый дружинник обнажил клинок и остриём коснулся подвздоха юнца. Тот, увидев на стали своё отражение, судорожно сглотнул.

— Нашёл, господин, — затараторил он, чувствуя, как лезвие режет рубаху. — Нашёл в лесу... и князя там же!

Олегов взор не оттаял.

— А сума откуда? Кровь на одежде? Что ты с нашим князем сделал, пёс брехливый?

— Ничего! Ничего! — Славко зажмурился: теперь холодное остриё упёрлось в кожу. — Клянусь... отыскивали на поляне, в крови, в грязи. Соседка моя поспешила с ним на лодке в деревню. А я за вещами воротился — чтоб не сгнули. Подумал: боярич раненый; негоже, если дорогие сума да клинок без следа пропадут.

— Довольно, — огрызнулся Олег.

Ари вернул княжеский меч в ножны.

— Дорогу показывай.

— Да... да, — часто закивал Славко. — До Лыбуты три версты всего.

— Лыбута, значит. — Сверр задумчиво почесал подбородок, покрытый светлым пушком. — Эгиль — не твой ли отец? В Плескове давеча о его янтаре слыхали.

Мальчишка затрясся с ног до головы; Олег впился в него колким, как заноза, взглядом. Жалкий. Затравленный.

Такие лгут проще всего.

Глядел в заплаканные глаза, на бледные пальцы. По мелочам, без слов, воевода понимал, когда его обманывают.

Он ждал ответа, но юнец словно онемел. От страха он уже не различал ни дружинников, ни их грозного предводителя.

Ярослав ожил, когда Лют поднял осил и неспешно щёлкнул петлёй, проверяя, крепок ли узел. Лыбутчанин шарахнулся и закашлял, точно верёвка теперь горло стянула.

— Эгиль — твой отец? — лениво повторил Сверр.

Славко помотал головой, прижимая ладонь к груди, где алела оставленная мечом царапина.

— Не мой, Ольгин, — выдавил он из себя. — По отцу она варяжского рода, мать же — кривичанка. Эгиль чем придётся промышляет, да торг нынче худ. Совсем худ.

— Отчего? — впервые подал голос Бранимир.

— Плох купец, что не может товар сбыть, — осклабился, отпив мёда из меха, Колояр.

Олег нахмурился — ухмылки разом сошли с лиц соратников.

— Говори. Или язык вырву, коли им не пользуешься.

Ярослава едва наизнанку не вывернуло. И, борясь с собой, Славко всё же решился ответить: недавнее молчание его чуть жизни не лишило.

— Страшно говорить, воеводу, — спотыкаясь, вздохнул он. — Но передам, как от старших купцов слыхал. Князя... князя они винят.

Олег хотел оборвать мальчишку, но слухи уже разлетелись по дружине, как искры по сухому мху. Кто-то выругался, иной сжал кулаки. Лют было потянулся к кинжалу, но удержал руку на полпути.

— Продолжай, — кивнул Олег: молчать сейчас опаснее, чем слушать.

— Говорят: походов нет — нет и серебра, — торопливо, будто захлёбываясь, продолжил Славко. — Товар лежит. У кого прежняя добыча осталась, тот берёт. Прочие торгуются до последнего ногтя.

— Потому что мошны пустеют, — хмуро бросил кто-то из задних рядов.

— Нет бы цены убавили, — заворчал Ари, привыкший брать, а не торговаться. — Вы же держитесь за товар, как за сосец материнский, никак отпустить не хотите.

— Наше ремесло — поле брани, — осадил его завоеводчик. — В торговле им самим разбираться позволю. Одними ценами дела не поправишь. А звон серебра одинаково сладок и вою, и купцу.

— Коли так, отчего князь не объявит о новом походе? — бросил в лицо старшему Колояр. Голос был хмельной, но дерзкий, и оттого опасный. — Или мы только в полюдьё ладны ходить? С беззубым щенком Малом тягаться?

Лихие речи разожгли в мужах огонь — застарелый, бедовый. Слишком долго они его сдерживали.

— Кругом чужие земли лежат — бери, чего пожелаешь! Добрый князь давно б с дружиной всё разделил. Да наш поныне за дядькиной спиной прячется!

Он сделал ещё глоток и, не моргая, с вызовом посмотрел на воеводу.

Вещий Олег оскалился, но промолчал. Не ложь сказал смутьян — хуже. Правду, от которой дружина озвереть может. Колояровы слова ещё клубились в воздухе: наглые, едкие. Меж воев встала такая тишина, что даже сбруя звенела глуше обычного.

«Режь сорняк над землёй, да корень всё равно останется».

Княжий дядя едва заметно кивнул. Пригивник (1) с россыпью веснушек смекнул и юркнул туда, где на привязи переминался жеребец подстрекателя.

— Дорогу в Лыбуту покажешь, — молвил Олег Славке. Следом приказал Колояру. — Ты — в Плесков. Доложишь князьему мужу: Игоря сыскали, помощи не надобно.

Колояр оскалился, взялся за луку (2), сунул ногу в стремя. Бранимир уловил: на миг глаза конюха потухли. Ровный, слишком ровный край подпруги (3) блеснул на солнце, да тут же исчез под седлом.

— Не всякую узду страхом держат, — вздохнул завоеводчик.

Вещий Олег не шелохнулся. Мунин с его плеча покосился на смутьяна и кляцнул клювом.

— Порой приходится, — ответил воевода так тихо, что услышал один Бранимир.

Дружина двинулась к Лыбуте, и лишь Колояр помчался к Плескову. До города он не добрался. Позже у опушки нашли его коня — без седла, с оборванной подпругой. Самого всадника больше не видели.

О прочем Олега не спрашивали.

* * *

Она всем телом чувствовала его цепкий, голодный взгляд. И всё же подняла голову.

Пташка в силке супротив коршуна.

Ветер трепал цветок в волосах, мокрая рубаха липла к озябшим плечам. Девушка боялась. Но смотрела прямо.

Князь поправил пряжку. В лодке будто теснее сделалось.

Ольга попятилась... и оцепенела.

Дальше бежать некуда: край отцова челна. За ним — река.

Сын Рюрика не привык отступать, тем паче теперь, когда гул крови теснил разум.

— Скажи мне, лодчица... — он подался вперёд. — Как зовут тебя?

Ольга не сразу ответила. Знала от матушки: истинное имя, что нитка от узла. Протяни не тому, и беда за тобою увяжется.

А беда уже рядом стояла, напротив злобой клокотала. В памяти всплыло детское прозвище от отца, данное за осторожность, за хозяйскую хватку.

— Берегуша, — тихо отозвалась она. — Так меня кличут.

— Ты, Берегуша, редкая красавица, — вкрадчиво протянул он, будто уже касался того, чего касаться не смел. — Мужа знавала?

Она смолкла. Зубы стиснулись до ломоты, чайками над головой загалдели тревоги. Как быть?

— А князю угодить не желаешь?

Князь перед ней иль распутник, прикрывшийся высоким именем, — разницы не было.

— Не желаю, — ответила быстро. Пусть лицо побелело от страха, но слова острой сталью резали.

Игорь усмехнулся и, не терпя отказа, придвинулся; десницей скользнул к поясу, но привычной сумы там не оказалось. Тогда он без сожалений снял с плаща золотую фибулу и протянул лодочнице.

— Ну же. Не робей. Эта застёжка стоит твоих стараний.

Ольгу захлестнула буря из горечи и негодования. За кого её принимает? Выпрямилась и скривилась от презрения.

— Как смеешь ты, княже, такое молвить?! Пред тобой не блудница, а дочь вольного купца. Я тебя в лодку тащила, раны омывала, мошкарку отгоняла... и такова твоя благодарность?

Игорь опешил: никогда ещё девицы ему не дерзили. Сами в руки шли. Но отступить не пожелал.

— Не хотел обидеть. Напротив, подумал, что не откажешься ты от удачи.

— Неправильно подумал! — перебила она, схватив длинное весло и выставив меж ними, как копьё. — Молю, оставь меня. Не то придётся научить тебя обходиться с добрыми людьми, раз пестуны при князем дворе не управились.

— Я не привык, чтобы мне перечили, — в висках загрохотало так, что Игорь не слышал себя. Он по-звериному пригнулся, ступил вперёд, и челн качнулся. — Как смеешь дерзить? Пред тобою князь!

Ольга не дрогнула. Крепче перехватила весло и предостерегающе кольнула воздух перед ним. Коли понадобится — встанет за честь свою насмерть.

— Честь по крупице копят, так твердил мне отец, — прошептала она. — Ты же её горстями разбрасываешь.

Разъярённый ответом, Игорь занёс над ней руку, но по груди хлестнула лопасть весла. Из лёгких вышибло дух; он отпрянул, едва не полетев в реку. Коротко, сипло выдохнул, отдышался и рванулся снова. Девица уже не щадила: дерево с силой врезалось под рёбра.

Челн мотнуло так, что вода плеснула через край. Игорь глухо ударился о днище и на миг замер, оглушённый звоном в ушах. Не простая лодочница стояла над ним: страшилась, но не сдавалась. Эта мысль ужалила княжью гордость и против воли отравила его любопытством.

— За такие слова иной род век расплачивается. А ты ещё и на князя руку подняла, — огрызнулся он и тут же сменил оскал на улыбку. — Будь ласкова — и забуду твою вину.

— Зачем смущаешь меня, княже, нескромными словами? — От угроз семье у Ольги отсекло волю спорить. Она медленно опустила весло на дно лодки. В голове помутилось, но голос окреп. — Пусть я молода да незнатна, и совсем одна здесь, но знай: лучше броситься в реку, чем стерпеть поругание.

Она шагнула к самому краю. Пальцы вцепились в подол, ступня нашла узкий нос долблёнки. Челнок затрепетал; ледяные брызги обожгли щиколотки. Ольга втянула воздух — раз, другой, да будто не могла надышаться.

Миг, и она, раскинув руки, подалась вперёд, готовая нырнуть в студёный стрежень...

Игорь, не веря увиденному, обомлел.

— Спокойно! Спокойно, безумная! — сорвалось с его уст. — Обещаю, не трону. Слово князя даю!

Ольга осела на колени и беззвучно разрыдалась, уткнувшись в мокрое дерево. Страх и утешение спутались в тугой клубок под грудиной. Игорь стих и отвернулся, будто ему в собственной коже тесно стало.

Спустя какое-то время они двинулись дальше, не обменявшись ни словом.

Князь, потирая ушибленный затылок, ощутил, как их снова подхватывает речная зыбь: Ольга плавно вела лодку, рассекая строптивые волны веслом. Невольно следил за ней: как ровно держит спину, как складно уводит челн от омутов да камней. Боялась, да не сломалась.

А он едва не сломал.

Дюжина жмущихся друг к дружке дворов встретила их запахом дыма и прелой соломы. Ольга вернулась домой. Только дом уже стал иным. Как и сама дочь Эгиля.

Примечания:

1) **Пригравник**— стар. конюх при верховой лошади;

2) **Лука**— изгиб переднего и заднего края седла;

3) **Подпруга**— широкий ремень, затягиваемый под брюхом лошади и служащий для укрепления седла.

Глава 5

Просторный навес у избы приютил дюжину утомлённых воинов — столько гостей тут сроду не бывало. Во дворе, словно на мельнице, стоял приглушённый гул: воздух дрожал от перестука посуды да бойких бесед.

Пыльные сумы и плащи расползлись неопрятной кучей в углу. У клетки, вдоль стены, разместили оружие; там же несколько дружинников привалились на сенники, ловя передышку после долгого дня. Одни хлебали овсяный кисель, другие предпочли ключевую воду. Чуть поодаль, потупив взор, суетился рыжий пригравник.

Бранимир вытер усы и поблагодарил радушную хозяйку: давно такого взвара не пробовал. Ждана, Ольгина матушка, смущённо улыбнулась и подлила завоеводчику ещё — не оставлять же ковш гостя пустым.

— И вот так подпрыгнул от страха Мал, узрев нас под стенами Коростеня (1), — рассмеялся Лют и, легонько подбросив хозяйского сынишку, тут же поймал.

Вемунд залился хохотом.

— Впервые таким его вижу, — протянул Ари. — Жужжит и жужжит с мальцом.

Сверр и бровью не повёл, лишь скучающе покрутил подвеску-молоточек на шее:

— Так с ним не шути.

Булгарин на миг замер, будто услышал, но потом скорчил забавную рожицу и зашекотал мальчугана.

— Был у него братец, малец совсем. Езде учился. Пчелиный рой взвился — конь понёс, — продолжил вполголоса Сверр. — Не удержался. О дерево расшибся. Лют рядом быть должен был... да не был. Потому и лютует в сече.

— Ин чего!

— Пусть играет, — заключил Сверр. — Может, руки вспомнят, что не только бить горазды.

Ари раздражённо выдохнул:

— Ты, гляжу, любомудром (2) сделался. Откуда ведаешь про прошлое нашего нелюдя?

Собеседник с насмешкой пожал плечами:

— Любомудром всегда в душе был. Ты б меньше палицей махал, да побольше людей слышал да слушал — давно бы всё понял.

Ари не нашёл, что ответить. Сморщил лоб и проглотил целую пригоршню ягод — земляника нынче славная уродилась.

Мунин возбуждённо каркнул, и Сверр цаплей вытянул шею, уставившись на Олегова конюха.

Одним движением кинжала тот рассёк пополам кусок бурого, волокнистого мяса. Потом — ещё на шесть почти равных полосок. Зажал ломтик меж пальцев, протянул ворону, что уселся на пень. Птица, завидев поживу, вскинулась и захлопала крыльями.

Укол тёмно-серого клюва, и мясо исчезло. Мунин всё не унимался: рвал лоскут за лоскутом прямо с ладони пригравника.

— Ишь ты, — прошептал на ухо Сверру Ари. — Воевода Мунина ему кормить позволяет. А нам даже трогать ворона запрещено.

— Нам, Ари. Нам. Что до челядинца... Как его, Щукой звать? С осени у Олега служит. Отец его, молвят, сокольничим был. Со зверьём всяким ладить горазд, вот и снискал доверие.

— И откуда ты всё знаешь?

— Отрада, — прикрыл веки Сверр, вспомнив столичную красавицу. — С отрочества при дворе, все слухи при ней. А уж про княжье семейство — тем паче.

— Уд твой везде дорогу найдёт, — насупившись, с завистью проворчал Ари и тут же поймал на себе тяжёлый, исподлобья, взгляд Шуки.

Тот вмиг склонил голову ниже, упрятав её между плеч. Дружинники говорили о нём так, будто он не рядом сидел, а валялся рядом с пожитками и плащами. Торопливо вытер рукавом кинжал. Сталь соскользнула — лезвие вспорол палец. На пень шлёпнулась алая капля и расползлась неровным, похожим на крест пятном.

Мунин не зевал: ухватил мясо и, победоносно гаркая, взгромоздился на яблоню.

— Ты что натворил?! — прошипел Ари растерянному мальчишке. — Коли проморгал оленину, сам без мяса останешься. Птица объестся — не взлетит. Ещё и запомнит тебя как недотёпу. Проворонил... да перед вороном.

Обида уколола прямо в сердце, но Шука и вида не подал. Здесь он всех ниже и младше. Одно слово поперёк, и несдобровать.

— С дозволения твоего ответчу, — пригивник склонил рыжие вихры, ожидая разрешения.

Ари кивнул.

— Всякое создание помнит ладонь, что кормит. Лишний кусок — к доверию шаг. А ладная птица и вне охоты послужит.

— Какая от птицы польза, коли то не воеводов ворон? Он-то умнее трети дружины будет. — Сверр покосился на товарища и как бы невзначай добавил, — Если не половины.

Ари от таких речей фыркнул:

— Пф! Мы врага бьём мечом да копьём. Не клювами с перьями.

— Птица порой быстрее клинка, — не согласился слуга. — Налетит, коня отвратит, в глаза кинется. Миг, и уже сумятица.

— Ишь, как запел, — расхохотался Ари. — Да только бывал ли ты в сече? Смыслишь в войне?

Шука покачал головой. В зелёных глазах вспыхнуло непокорство.

— Не бывал, господин. Но в охоте разбираюсь. И знаю: удача у того, кто под перемену ветра подстраивается.

Дружинники переглянулись. Сверр, отняв напряжённые пальцы от подвески, позволил себе улыбнуться юнцу.

— Говоришь ты складно. Только не язык в дружину ведёт, сталь и выправка всё решают.

— Разумею, — молвил конюх. — Потому и тянусь к делу. У воеводы учусь, с вас пример беру. Пока с птицей послужу, с конями подсоблю. А клинок... к нему тоже приловчусь однажды.

Откланившись, он спрятал кинжал за пояс и направился к хозяйке — воды попросить. С пальца всё ещё капала кровь: горячая, молодая.

Дружинники невольно проводили его взглядом.

Ари щёлкнул языком:

— Ишь! Силы в нём мало, а смышлёности — с избытком.

— Ум полезен, если голову за него не отшибут, — хмыкнул Сверр. — Посмотрим.

* * *

Лодка вклинилась в заводь и рассекла гриву камышей, уткнувшись в песчаный зашеек. Ольга вонзила в берег весло, привязала к нему верёвку, чтоб долблёнку быстерь (3) не утащила.

Игорь поднялся. Двинулся осторожно, точно по первому льду: сперва упёрся подошвой в днище, перешагнул край... и тут же по щиколку ушёл в воду. От резкой боли перекосило лицо; он дёрнулся так, что челн закачался, обдав его брызгами.

В серых глазах девицы всколыхнулось скверное удовольствие.

— Нога покоя не даёт, княже? — спросила она, затягивая узел так, будто тот князю на горло лёг. — Иль водица студёная не по душе?

Игорь метнул на неё раздражённый взгляд.

— Можит нога, — он стиснул зубы. — А вода холодная хороша, ежели найдётся та, что после неё обогреет.

— Есть такая умелица в моей веси, — Ольга ухмыльнулась. — И от грязи отмое, и утешит. А будет твоя воля — теплом обласкает даже.

— И как звать эту умелицу?

— Истопка (4).

Он расхохотался — и сразу поморщился. Снова нога заныла.

— Проклятье...

Девушка подошла ближе, остановившись в паре шагов от князя.

— Дай локоть, — буркнула дочь Эгиля. — Подсоблю.

Игорь послушался слишком быстро. Протянул десницу и будто случайно прильнул к Ольге теснее, чем вынуждало его положение. Та не отшатнулась; только плечо стало жёстким, как перекрученная кудель.

— Не спеши, — молвила Ольга. — Слишком тут. Оступишься — вдвоём упадём.

Под ногами хлюпало, мочажины леденили кости. Игорь шёл медленно, и каждый раз, когда ногу ломала боль, выбирал опорой спутницу.

— Не касайся так, — вздрогнула она, когда мужские пальцы задели ладонь. На миг в ней снова качнулся узкий челн, стылой пастью раскрылась река. — Под локоть возьми. Слово давал, что не тронешь. Не позабыл?

— У тебя мозоли будто, — оправдался Игорь. — Проверить хотел, не стёрла ли кожу. Не стерпел.

— Терпи, князь, — Ольга укрылась за улыбкой, будто за стеной. — Ещё раз, и отпущу. Утонешь — посетую дружине, мол, сам к водянице в объятия пошёл.

Игорь тихо порскнул, и смешались в этом и обида, и невольное любопытство. Вдруг правда отпустит?

— Потерплю. Только до веси позволь опереться. Сам не дойду.

— Ушлый, — процедила девушка, помогая обойти лужу.

— Бережливый, — поправил он. — Силы коплю.

— Недолго осталось, — сказала она и сдвинула его локоть чуть ниже — так, чтобы держать было удобнее ей, не ему.

Игорь заметил, но промолчал. Ухватился покрепче и ступил на отсыревшие мостки, с которых начиналась Лыбута.

* * *

Ветер принёс во двор пьянящий липовый дух, но Эгилю не полегчало. У крыльца, поджав израненные ступни, сидел Славко: с разбитыми губами да взглядом, который искал, куда бы спрятаться. Рядом точил клинок княжий дядя. Сталь мерно скрипела о камень — будто воевода никуда не торопился.

— Ты всё слышал, купец, — сказал Вещий Олег, не поднимая взора на Эгиля. Меч скрежетнул по песчанику, и у Ольгиного отца дрогнула скула. — Мальчишка клянётся, что с твоей дочерью нашёл князя в лесу: раненого, без памяти. А как за грудки взяли, при нём оказались княжья сума да оружие.

— Меня, воеводо, там не было. Чего ты хочешь?

— Не ведаю, правду молвил иль солгал, — Олег прищурился. — Налимом извернулся: мол, из заботы воротился за вещами, не украл. Ты его дольше меня знаешь. Что скажешь?

Купец покосился на соседа. Прежний Ярослав исчез: осталась лишь тень без единой кровинки, да и та уже будто не с ними была, а одною ногою с мёртвыми.

— Судить наверняка не возьмусь, — Эгиль подбирал каждое слово, как гири для весов. Стоит перетянуть в одну сторону — беда случится. — Семья у них честная. Славко у меня

на глазах вырос: к старшим почтителен, со сверстниками ладил. Озорничал порой: кур мог спугнуть, в клеть ко мне влезть, на добро заморское поглазеть. Но чтоб украл — не верю.

— Верить — сердце напрасными чаяниями тешить, — отрезал гость. Голос стал властным, резким. — Не водилось ли за ним сребролюбия? Не прижала ли семью нужда?

Эгиль выдохнул.

— Не ведаю, воеводу. Жили не хуже прочих. Не богато, да без позора. Отец его пушниной промышлял. Долгов за ними не припомню, хоть и худ нынче торг. Не было у него повода для кражи.

Вещий Олег хрустнул пальцами.

— Быть по сему. А ежели выгораживаешь татя — с ним и дочь твоя вину понесёт.

Ярослав дёрнулся, будто его ткнули калёным железом.

— Не мне учить тебя, воеводу, — купец с уважением склонил голову. — В своём ремесле я усвоил: слово — тоже товар, а от дурного товара прибыли нет. Славко мог позавидовать, глазами пожелать, мог сглупить от страха. Но украсть с холодным сердцем — не его это.

Вещий Олег усмехнулся. Сталь снова противно лязгнула о камень.

— А если ошибаешься? Пожелает князь — вся вервь за сокрытие ответ держать будет. Потянет ли община?

Эгиль стиснул зубы до ломоты в висках. Он жил этими дворами — дюжиной изб, дюжиной печей; помнил детские ручонки, протянутые к хлебу. Не совладать им с такой долей.

— Думаю, самого князя спросить надобно, — ответил он, беря у богов взаймы смелости. — Он не я, не Славко. Родичу своему лгать не станет. А я, не поймав за руку, честь невинного порочить не возьмусь. Не серчай, господин: вернусь к гостям. Не хочу, чтобы дружина решила, будто хозяин к ним не почтителен.

Вещий Олег провёл мечом по точилу — медленно, задумчиво, — и кивнул.

Эгиль пошёл прочь быстро, почти бегом, спиной чувствуя взгляд воеводы. Понял он по этому взгляду: распря не утихла, только жарче разгорелась.

Теперь всё держалось на одном голосе — Игорево.

* * *

Запах оленины с вертела мешался с дымом и волглым воздухом. На щербатой лавке хозяева выставили всё, чем богаты: жареных линей, пареную репу, ржаные лепёшки да хмельной мёд. Гости набросились на угощения: после леса и бессонной ночи тесный двор почти домом казался.

Бранимир грелся у костра; поодаль тешил Сверра да Люта рассказами о плавании в коряжь (5) Эгиль.

Вещего Олега чужие подвиги не прельщали: хмуро пил воду и читал лица. На плече воеводы чистил перья Мунин, в его угольных зрачках белели улыбки воев да игральные кости.

Ярослав не ел вовсе. Забился в угол у клетки и сжался, желая невидимым стать. Всё, что его мучило, — каким будет приговор.

Мостки протяжно скрипнули. Из-за ракитника сначала показалась светловолосая девица, а на плече у неё, тяжело дыша, повис князь. Обессиленный, в рванине да в крови, но с хозяйской ухмылкой.

— Князь! — закричал Ари, выпустив из рук тёплое мясо. — Князь вернулся!

По двору прокатились радостные возгласы. Бранимир подхватил Игоря, уложил на овчину подле дяди. Ольга было потянулась к любимым парёнкам, да враз застыла, поймав обречённый взгляд Ярослава. Поначалу не признала его: на соседском сыне живого места не осталось. Только глаза прежние. Они и подсказали.

— Ты ли Ольга? Та, что князя спасла? — спросил воевода, вскинув подбородок.

Та, собравшись, с почтением молвила:

— Я, господин. Боги привели нас. Нашими очами увидели, нашими руками до лодки дотащили. Я домой повезла, сосед же воротился за вещами. Чтоб вернуть князя живым да при всём добре.

Игорева ухмылка стала тоньше. Ольга? Не Берегуша? Забавляла и перемена в речах лодочницы: недавно дерзила, а перед дядей запела соловушкой.

— И как узнали, что перед вами князь? — всё не отпускал Вещий Олег.

— А мы и не ведали, — пролепетала Ольга. — Решили, что муж нарочитый.

Лишь сейчас она заметила, как смотрят дружинники. Одни — с похотью, точно добычу разглядывают, иные — криво, будто виноватая объявилась, третьи — с уважением: не всякая девица на себя такой груз взвалит. И чем ровнее держалась дочь Эгиля, тем пристальней они искали на той следы собственных домыслов: лжи, корысти... иль княжьих касаний.

— Вы князя от смерти отвели, — провозгласил Олег. — Без награды не оставим.

Снял с запястья узорчатое обручье (б) и кивнул Ярославу:

— Ты первый. Подойди. Не бойся.

Тот, ушам своим не веря, с трудом поднялся. Сгорбился, затрясся, торопливо засеменял вперёд, пока на пути его не вырос сапог.

Лют разразился отрывистым, похожим на лай, смехом.

Славко споткнулся, нелепо взмахнул руками и упал ничком. Из складки у пояса выскочило что-то маленькое, звякнуло оземь и покатилося прочь.

Он так и остался лежать. Только глаза потемнели: у самых Олеговых ног блеснул княжий перстень.

Примечания:

1) **Коростень**— Искоростень, столица Древлянской земли;

2) **Любомудр**— мудрец, мыслитель;

3) **Быстерь**— стремнина, быстрый поток;

4) **Истопка**— баня;

5) **Корязь**— устаревшее название западнобалтской народности куршей (или куронов), которая проживала в V—XVI веках на юго-восточном побережье Балтийского моря, в районе современного региона Курземе в Латвии;

6) **Обручье**— браслет.

Глава 6

Звон встревожи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.